* * *

Художник — мужчина. Посланья прочтя,
Рисует, но опыта мало.
Мария на *левой* держала дитя,
А *правой* рукой обнимала.

Так держат все матери, кто не левша,
И — левой — к груди прижимая,
Мария держала, молитву верша,
А правой рукой обнимая,

Поскольку проворнее эта рука —
Защита надежней покрова.
А левая — ложе вот здесь, у соска,
Где сердце растаять готово.

И женщина так же обнимет, любя,
Усвоив природную хватку:
По темени правой погладит тебя,
А левой пройдет под лопатку.

Исчезнешь, кого ей руками объять?
Кого целовать Магдалине?
Вот так и останется после стоять,
С объятьем, пустым в сердцевине.

И ты, живописец, стремясь оживить
Сюжет, не сумеешь вглядеться,
Как руки Марии тоскуют обвить
Тяжелое тело младенца.

* * *

Ночь щедра на холод и тирады,
Как любая истовая власть.
Говорят, что дочь Иродиады
Лишней головой обзавелась.

Говорят, распутная царица
Отдала награду беднякам.
Ты в пустыне, и тебе не спится:
Что теперь сказать ученикам?

Ночь тебе в ложбине стелет ложе.
Самооправданий, вопреки
Ожиданьям, не услышав, боже,
Скрылись за горой ученики.

Сам-то ты уверен ли в знаменьях,
Объявивших с вечностью родство,
Ради воскресения в каменьях
Отступив от брата своего?

«Иоанн, труды исполнив тяжки,
Стал не нужен», — ящерки трещат …
Ты воткнул в рыдания костяшки
Так, что обе челюсти трещат.

Вот уж лава движется по жерлу,
Простирая пепел над толпой,
Где сначала ты приносишь жертву,
А потом пожертвуют тобой.

— Во спасенье паствы Иоанна… —
Шепчешь ты, а сам глядишь туда,
Где вода в долине Иордана
Помутилась раз и навсегда.

Соло на себе

Сесть прямо, распахнуть колени жадно,
Кисть округлить и пальцы на кадык…
Виолончель, прильни ко мне нещадно,
Как к мышце языка — смычок-язык?

Сожму в щепоть и распилю грудную,
И чем сильнее хватка, тем звончей...
Я — это ты, и у тебя в плену я,
Ты — это я, но только горячей.

Поехали! Мелизмы и вибрато.
Рви конский волос, головы сноси.
Все держится на шпиле, как когда-то
Земля держалась на своей оси.

Я — тяжесть грифа и воздушность деки,
Я — на одной струне, как на стропе
Над космосом! И слышат все парсеки,
Как я играю соло на себе.

* * *

Не плачь по елке, как по волосам,
Уж прошлый год отрублен и схоронен.
Выбрасывай. Преобразись и сам.
Путь проторен. Отстанешь, час неровен.

Болезненная елка умерла.
Нам будет не хватать ее. Помянем.
Приспустим флаг, завесим зеркала
И дворника для выноса поманим.

Ну, почему здесь умирает всё:
Цветы в горшках, в аквариуме рыбка?
И елка эта — в праздничном лассо
В районе поседевшего загривка.

Забудь ее, такую, старый бард,
Она была живой и милой в детстве,
Но как-то типа Машеньки Стюард
Звучало имя. Спросим о наследстве.

Что, королева, оставляешь нам?
Колье да серьги, броши, диадемы…
И мы воспрянем, с горем пополам,
Незначимы и кратки, как фонемы.

* * *

Я зарастаю памятью…
Давид Самойлов

О, памяти дырявая корыть,
Напрасно мне тебя не залатали.
Тут кто-то вдруг повадился ходить
И воровать. И вмиг разворовали.

Горит табличка: все удалено.
Когда б не утекала ты сквозь бреши,
Я знала бы, что умерла давно,
Как торф каширский, изнутри сгоревши.
Предохранитель вышибало так,
Что свет катился в минус, но включали.
Зачем в тебя заложен этот брак,
Сгорать от замыкания печали!

И, как о прошлых днях ни верещи,
Нет доказательств, нет свидетельств точных.
Как не было меня! Ищи-свищи.
В ячейках, в клетках, в скважинах замочных.

Ответит память: — О, молчи, молчи!
Ведь ты сама закрыла все затворы
И бросила от бед своих ключи
За грядки, за сараи, за заборы.

Ведь ты сама решила не вскрывать! —
Напомнит память, — Я не заставляла.
— Но я и счастье стала забывать,
Которое несчастья разбавляло…

* * *

Молчащие столетие подряд,
Немые, не вступающие в пренья,
Не ведающие, что за вас творят
Молчащие по рангу и презренью,
Услышьте нас. Мы — ваши голоса.
Поговорите нами в небеса.

В нас хоронящей заживо стране
Мы выживаем и в посмертной маске.
На этой необъявленной войне
Еще у нас не отобрали связки,
Еще выходит глотками из нас
Словарный нерастраченный запас.

Еще мы оставляем письмена —
Свидетельствовать о живущих ныне.
Но неизвестны наши имена
И письменность в натуре отменили,
Особенно, где рифмы и столбцы,
Пророков упраздняют, стервецы.

Когда страдает слух — страдает дух.
Молчание чревато слепотою.
Прислушайся. С подвальных раскладух,
Из-под асфальта музыкой простою,
Книжонкой тощей с коркой на клею
Врачует смысл бессмысленность твою.

* * *

Восемь роз отмерь, а потом уж речь
Заводи о главном и то, с заходом,
Про нечетный этот букет, про печь —
Антипод рожденью, точнее, родам.

Интересно, дескать, сжигают врозь
Или всех, пришедших по зову сердца?
Чьи останки, дескать, людей ли, роз
Утрамбуют в урну единоверцы?

Сколько стоит к матери прикопать?
Да возьмутся ли за работу, черти?
Баю-баю, нужно ложиться спать,
Просыпаться, есть, забывать о смерти.

Погружаться в жизнь, утопать в делах,
Уходить от темы, бежать от боли.
Всё. Забыли, кажется. Стерли в прах.
Вот опять ты! что ты нарочно, что ли!

Разбинтуй, увидишь, кровоточит,
Обещай молчать, подкрепись обетом.
Если кто другой — как дела — молчит,
Он молчит об этом.

* * *

Не врачом за письменной консолью,
Не лекарством от душевных ран,
Я была в своем столетье болью,
Как велел гранитный истукан.

Кто же нас, надрывных, станет слушать?
Кто из боли вынесет урок?
Только нас не лечат, просто глушат,
Скопом обезболивая впрок.

И тебе уже не доведется
Распознать, откуда слабина,
От чего душа твоя загнется,
Если боль не чувствует она.

А врачи, что немощь побороли,
Скажут: надо было потерпеть,
Потому что усмиренье боли
Не всегда отодвигает смерть.

В горький час, еще до перевала,
Ты шепнешь, как будто я жива:
А ведь ты меня предупреждала,
Да не так была и тяжела.

Может быть, за временною складкой,
Будешь ты при ангельской мощe
Тосковать о боли этой сладкой,
Если там тоскуют вообще.